

В.В. Шульгин

**Письма к русским
эмигрантам**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.В. Шульгин**
Письма к русским эмигрантам / В.В. Шульгин – М.: Книга по Требованию,
2015. – 98 с.

ISBN 978-5-458-42200-0

ISBN 978-5-458-42200-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Автор открытых писем к русским эмигрантам — Василий Витальевич Шульгин в прошлом был видным деятелем Российской империи. Богатый волынский помещик, он неоднократно избирался в депутаты Государственной думы, где возглавлял крайне правое крыло реакции и считался идеологом монархически настроенного крупного дворянства. Будучи членом временного исполнительного комитета Государственной думы, Шульгин во время Февральской революции предпринял отчаянную попытку спасти монархию: он убеждал Николая II передать престол сыну, а потом (всего лишь на несколько часов) провозгласил императором царского брата Михаила.

После Великой Октябрьской социалистической революции Шульгин стал одним из организаторов белогвардейской контрреволюции, а когда белые были разгромлены, бежал за границу. Многие годы он вел идейную борьбу против Советской власти, был одним из вожakov белой эмиграции.

Великая Отечественная война на многое раскрыла Шульгину глаза: он увидел, что советский народ самоотверженно обороняет завоевания социалистической революции. В 1944 г. в Югославию, где проживал тогда Шульгин, вошли советские войска. Шульгин был препровожден в СССР и после следствия понес заслуженное наказание за свою многолетнюю антисоветскую деятельность. Досрочно освобожденный в 1956 г. из заключения, он поселился в одном из наших городов.

В декабре 1960 г. Шульгин обратился к русской эмиграции с открытым письмом. О мотивах, побудивших его выступить в печати, он пишет так: «Враждебное отношение некоторой части русской эмиграции к своей Родине является одной из сил, повышающей международную озлобленность. Желанием хоть чем-то смягчить эту опасную психику вызвано настоящее обращение к эмиграции».

За время, прошедшее после публикации первого письма, Шульгин попытался еще глубже познакомиться с жизнью нашей Родины, посетив ряд районов, в которых прошла его молодость. Увидев собственными глазами советскую действительность, Шульгин нашел в себе мужество признать, что Советская власть действительно отражает мысли и чаяния советского народа. В. Шульгин видит, как Россия, «гибель» которой он когда-то оплакивал, стала могучей, высокопромышленной державой с растущим уровнем жизни. Он признает, что это достигнуто народами Страны Советов под руководством Коммунистической партии — партии Ленина.

Под впечатлением всего виденного, а также откликов на его первое письмо, он снова взялся за перо. В результате появилось второе письмо («Возвращение Одиссея»), которое также публикуется в настоящей брошюре.

В письмах Шульгина имеются некоторые неверные положения и субъективные оценки, требующие к себе критического отношения. Тем не менее эти письма представляют интерес: они являются искренним призывом к разуму и миру. Автор признает выдающийся вклад советского народа и правительства СССР в дело борьбы за мир, горячо призывает всех людей доброй воли обуздать поджигателей новой войны и активно бороться за мир во всем мире.

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ „РУССКИЙ ГОЛОС“

г. Нью-Йорк

Уважаемая редакция!

При сем посылаю Вам свою рукопись под заглавием «Открытое письмо к русским эмигрантам» с просьбой, если это будет признано возможным, напечатать ее в подвалах газеты или опубликовать иным способом.

Разрешите вместе с тем изложить Вам в настоящем письме, почему я пришел к мысли написать обращение к русским эмигрантам.

По многим причинам я давным-давно ушел от политики и не имею желания и сейчас к ней возвращаться. Но есть времена и времена. Иногда сказать то, что думаешь и чувствуешь,— не политика, а некий долг совести.

Сейчас именно такое время. И человек, чуждающийся политики, если только он не впал в старческий маразм, не может не видеть, что человечество стоит над пропастью. И оно в нее упадет, если чувство самосохранения не одержит верх над роковым безумием, толкающим людей к самоуничтожению.

В такое время, как никогда, может быть оправдано знаменитое некогда «Не могу молчать» Льва Толстого. Последний был великий писатель, я писатель маленький, но задача, стоящая сейчас перед нами, писателями большими и маленькими, превышает, как мне кажется, по своему значению все, что до сих пор было доступно влиянию слова.

Мне показалось, что если я хоть на вес паутинки могу уменьшить давление мирового напряжения, то я обязан это сделать.

Враждебное отношение некоторой части русской эмиграции к своей Родине является одной из сил, повышающей международную озлобленность. Желанием хоть чем-то смягчить эту опасную психику вызвано настоящее обращение к эмиграции.

Если Вы разделяете эти взгляды, то, быть может, исполните мою просьбу, за что буду Вам признателен.

С совершенным уважением — В. ШУЛЬГИН.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К РУССКИМ ЭМИГРАНТАМ

Прежде всего я должен сказать несколько слов о себе самом. Это обращение могут прочесть и лица, которые обо мне ничего не знают. Без такого личного предисловия им будет затруднительно понимать, почему и отчего я к ним обращаюсь и что хочу выразить.

Вместе с тем я смею думать, что мои мысли имеют некоторый общественный интерес. Если бы я думал иначе, то не взялся бы за перо после почти 25-летнего молчания.

Сейчас мне 82 года, и это значит, что в течение 60 лет я был сознательным свидетелем великих событий нашей эпохи. Но не только свидетелем, а в некоторой степени и участником в политической жизни России, принимая во внимание, что в 1907 году я был избран в Российский парламент, иначе сказать, в Государственную думу, членом которой состоял до 1917 года включительно.

Государственной думе предшествовала война с Японией. Я разделял мнение той части общественности, которая была против наших «дальневосточных авантюр». Но когда война все же разразилась, мы стали энергично бороться с теми, кто в поражении России видел залог либеральных реформ. Это направление называло себя «Освободительным движением». В борьбе с самодержавием оно объединилось с революционными

течениями, требовавшими не конституции, а свержения монархии вообще. На развалинах последней предполагалось построить социалистическое государство.

Открытая революция разразилась в 1905 году. Крутыми мерами правительство подавило восстание. Затем пришел к власти новый премьер — Столыпин, которого в Государственной думе я убежденно поддерживал, оставшись его почитателем и после его смерти.

* * *

В течение войны 1914—1918 годов в Государственной думе произошли значительные сдвиги. Перед лицом врага ожесточенные политические противники, т. е. кадеты и более правые группировки, заключили перемирие «во имя победы». Образовался так называемый «прогрессивный блок» из шести фракций. По вопросу о назначении министров «с согласия Государственной думы» у последней произошел конфликт с короной. Это столкновение кончилось Февральской революцией 1917 года.

Фракция, к которой я принадлежал, вошла в состав «прогрессивного блока», и судьбе было угодно, чтобы именно я принял отречение от престола императора Николая II 2 марта 1917 года. А на следующий день я присутствовал при отказе принять престол со стороны брата отрекшегося государя, великого князя Михаила Александровича. Последнего я только что, т. е. утром этого дня, провозгласил новым императором под именем Михаила II.

Так было, хотя я принадлежал к числу тех монархистов, что глубоко сочувствовали Николаю II, понимая безысходную трагичность его положения (обстоятельства отречения двух императоров описаны мною в книге «Дни»).

Затем наступила эпоха Временного правительства, обычно называемого правительством Керенского. Последнего мы поддерживали. Нашу тогдашнюю психику ярко выразил Родзянко, председатель Государственной думы, в формуле РСРС:

— Рубашку снимите, Россию спасите!

Менее красочно, но то же самое, сказал и я на одном собрании членов Государственной думы. В данном случае я обратился к социалистам с такими словами:

— Мы предпочитаем быть нищими, но нищими в своей стране. Если вы можете нам сохранить эту страну и спасти ее, раздевайте нас, мы об этом плакать не будем.

Я упоминаю об этом потому, что на это выступление отозвался Ленин в газете «Правда» 19 мая 1917 года в таких словах: «Не запугивайте, г. Шульгин! Даже когда *мы* будем у власти, мы вас не «разденем», а обеспечим вам хорошую одежду и хорошую пищу, на условии работы, вполне вам подильной и привычной!»

Ленин не досказал, но из его слов в газете «Правда» я с очевидностью понял нижеследующее. Надо бы продолжить фразу Ленина так: «Мы вас не разденем, а обеспечим вам хорошую одежду и хорошую пищу на условии работы, вполне вам посильной и привычной в том случае, если вы будете работать с нами, или по крайней мере будете лояльны по отношению к Советской власти». Но мы объявили Ленину войну.

* *
*

Наступила Октябрьская революция. На нее, как сказано выше, мы ответили, взявшись за оружие. Мы— это казаки, восставшие почти поголовно; часть офицеров, с которых сорвали погоны, и часть интеллигенции, не стерпевшей позора Брестского мира, по которому Германии был отдан весь юг России. Но если бы до нас своевременно дошло, что Ленин, подписавший этот мир от лица России, сам назвал его «гнусным» и «архитяжким», если бы мы достаточно поняли значение таких определений, то, может быть, гражданская война получила бы некое иное обоснование.

* *
*

Я был в числе основателей Добровольческой (белой) армии в ноябре 1917 года. Я помогал по мере своих сил генералам Алексееву, Деникину, Врангелю.

Когда война кончилась, я очутился в эмиграции и там написал книгу «1920-й год». В ней я высказал свое мнение, почему белые проиграли войну. Эта книга, по-видимому, по личному желанию Ленина была перепечатана в Советском Союзе.

* *

*

В 1925—1926 годах мне удалось проникнуть нелегально в Советскую Россию и вернуться в эмиграцию. По возвращении я написал о своем путешествии книгу под заглавием «Три столицы».

Основная мысль этой книги в том, что, несмотря на все перенесенные испытания, «Россия жива». По этой причине при переводе на французский язык издатель предложил изменить заглавие «Три столицы», не звучащее, по его мнению, для французского читателя, на заглавие «Возрождение России», что и было мной принято. Но вместе с тем эта книга была полна резких и даже просто грубых выпадов против Ленина. Об этом я сейчас сожалею.

* *

*

Необходимо вспомнить еще одно обстоятельство. Молодые люди, состоявшие тогда в различных эмигрантских организациях, мечтали о проникновении в Россию, на свою родину. Мне же удалось, как это уже рассказано выше, на грани 1925—1926 годов совершить нелегальное путешествие по России и вернуться в эмиграцию. Человек, побывавший в России, был окружен известным ореолом в глазах молодежи, но не в моих собственных глазах.

Дело в следующем. В 1927 году открылось, что «тайное» мое путешествие по России было от начала до конца известно соответствующим органам Советской власти. Причины, почему меня не задержали, мне не совсем ясны и по сей день. Но тогда, в 1927 году, я считал себя одураченным политиком и имел великое желание совсем и навсегда сойти с политической арены. И только в 1937 году я покончил с политикой. В каче-

стве совершенно частного человека находился в одном городке Югославии, где и пережил вторую мировую войну.

Югославия была оккупирована немцами под видом независимой Хорватии. Мне удалось не поклониться Гитлеру. Его теория о том, что немецкая раса, как сероглазая, призвана повелевать над людьми с темными глазами, казалась мне непостижимо нелепой. И в особенности потому, что нелогичный этот расист начал истреблять сероглазых же, т. е. англосаксов, норвежцев, чехов, поляков и русских.

О делах же нацистов я мог судить, наблюдая, с какой жестокостью их подручные, хорватские усташы, преследовали сербов. Стены городка, где я жил, неоднократно покрывались объявлениями с перечислением казненных по имени и фамилии. При этом соблюдался такой расчет: за каждого убитого или раненого немца или хорвата расстреливалось 10 сербов. Эти десятки брались из числа совершенно ни в чем не повинных людей, сидевших в тюрьмах как «заложники».

О моральных издевательствах, которые переносили сербы, я заключал по одной статье, напечатанной в столичной (город Загреб) хорватской газете. Там некий фельетонист писал примерно так:

«В некоторых отношениях наша речь сейчас упростилась. Раньше о дурных людях надо было нанизывать много слов, чтобы сделать точную их характеристику. Например: убийца, грабитель, вор, мошенник, негодяй и т. п. Сейчас достаточно сказать два слова: он серб! И все будет ясно и точно».

К сожалению, у меня не хватило мужества протестовать против всего этого громогласно, публично. Да и средства для этого не было. Ни одна газета не напечатала бы моей статьи. Я мог бы только войти в застенки усташей и крикнуть палачам в лицо то, что я о них думаю. Но это было бы самоубийством некоего героического комара, о каковом великолепном акте никто бы и не узнал. Я воздержался, поэтому в герои и не гожусь.

Вам известно, быть может, что Советская Армия, освободившая Югославию от гитлеровцев и усташей,

вошла в городок, где я жил, в октябре 1944 года. В январе 1945 года я был препровожден в Москву и после длительного следствия присужден к продолжительному заключению. Следствие установило 30-летнюю (1907—1937) мою враждебную коммунизму и антисоветскую деятельность. Суммируя этот материал, прокурор выразился так:

— Ну, это «дела минувших дней».

В этих словах явственно для меня просвечивалась мысль, что 10-летняя давность тоже имеет свои права. Если бы это мнение разделило тогдашнее правосудие, то я, быть может, вышел бы из тюрьмы еще в 1947 году. Этого не случилось. Но в 1956 году я был досрочно освобожден совместно с очень многими другими, освобожденными до и после меня.

Сейчас со времени вынесенного мне приговора прошло 13 лет. Это тоже давность! Многое можно и должно забыть. И во всяком случае было бы неправильно прошлое вменять настоящему, поскольку две эпохи отличаются друг от друга. Произошли великие сдвиги, и именно это есть причина, почему я пишу Вам, друзья мои, настоящее письмо.

* *
*

Судьба русской эмиграции после 1940 года мне мало известна. Часть эмигрантов, по-видимому, примкнула к Гитлеру. Зная общие взгляды и убеждения эмиграции, мне не верится, чтобы примкнувшие к Гитлеру разделяли идеи фюрера и оправдывали его дела. И потому мне неясно, как это все случилось, т. е. что они решились служить расистам, если это было на самом деле. Так как я сам не герой, то я не осуждаю их, но о том, что произошло, глубоко скорблю. Я стараюсь объяснить все это самому себе тем, что в лице Гитлера они увидели сильного противника Советской власти — и только. Они закрыли глаза на то, что видели некоторые. Многие из нас, вероятно, помнят, что примерно в 1935 году в Белград приезжал один эмигрант. Он прочел три лекции в переполненном театре.